

Говорухина Юлия Анатольевна

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДМИТРИЯ БЫКОВА: ОТ ТЕКСТА К ОБРАЗУ ТЕКСТА

В статье описывается интерпретационная стратегия Д. Быкова. Журналист в критике, Д. Быков использует систему замещений, "уходов" от литературного явления, направляя интерпретационные усилия на создание образа текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 88-91. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Это только исходный круг наблюдений для дальнейшего, более пространного и глубокого сравнения концепций природы у двух писателей. Пришвин - представитель современной русской культуры, а Шэнь Цунвэнь - классик культуры китайской. Интересно и дальше вникнуть в причины и в степень (не всегда, возможно, одинаковую) сходства этих двух мыслителей разных национальностей, цивилизаций.

Немаловажно, например, что М. М. Пришвин учился многому у Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой - исследователь «дао»; не оказал ли Лев Толстой воздействие на М. М. Пришвина в формировании его концепции природы? Далее, М. М. Пришвин - большой почитатель и исследователь культуры древнего славянства, на счёт которой вполне положительно можно сказать, что она играла важную роль в формировании пришвинской концепции природы. Представляет огромный интерес и другая проблема: какие сходства существуют в концепциях природы в древнеславянской культуре и культуре древнего Китая? Ведь едва ли древние культуры были дальше друг от друга, нежели зрелые (и временно обособившиеся) литературы более поздних времён. Скорее, наоборот - и помимо родства, были, возможно, и своего рода контакты между древним Востоком и древним Западом. В этой области не исключено обнаружение одного из ключей к решению вопроса о параллели Шэнь Цунвэнь-Пришвин; разумеется, это требует специального и развернутого исследования.

Список литературы

1. **Гринфельд-Зингурс Т. Я.** Природа в художественном мире М. М. Пришвина. Саратов, 1989.
2. **Дао: гармония мира.** М.: ЗАО Издательство Эксмо-Пресс, 2000.
3. **Йе Вэйцзюй.** История японских литературных направлений. Издательство Цзинцзижибао, 1997.
4. **Пришвин М. М.** Собрание сочинений: в 6 т. М., 1957.
5. **Пришвин М. М.** Собрание сочинений: в 8 т. М., 1982-1986.
6. **Шэнь Цунвэнь.** Очерки. Издательство Нэймэнгувэньхуа, 2006.
7. **Шэнь Цунвэнь.** Собрание сочинений: в 12 т. Издательство Хуачэн, 1984.

MAN AND NATURE UNITY IN M. M. PRISHVIN'S AND SHAN TSUNVAN'S CREATIVITY

Go Li

*Faculty of the Russian Language
Huandun University of Foreign Languages and Foreign Commerce
aichan1968@yandex.ru*

The article reveals the similarities in nature conception in the creative works of the Russian writer M. M. Prishvin and the Chinese writer Shan Tsunvan. The author pays special attention to the idea of man and nature unity in their creative works.

Key words and phrases: unity; man; nature.

УДК 82.09

В статье описывается интерпретационная стратегия Д. Быкова. Журналист в критике, Д. Быков использует систему замещений, «уходов» от литературного явления, направляя интерпретационные усилия на создание образа текста.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; Д. Быков; интерпретация; интерпретационная стратегия; замещение; герменевтика; текст; письмо.

Юлия Анатольевна Говорухина

Кафедра литературы

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

yuliya_govoruhin@list.ru

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДМИТРИЯ БЫКОВА: ОТ ТЕКСТА К ОБРАЗУ ТЕКСТА®

В глазах профессионального читателя Быков - критик, публицист, обладающий сверхсозидательной энергией. Говоря о Быкове, часто употребляют определения «многогранность» [7], «плодовитость», «блудословие» [9], «избыточность», «вездесущность». Большинство критических текстов Быкова, опубликованных в «толстых» журналах, написано в рубрике «Рецензии. Обзоры».

Выбор жанра рецензии неслучаен и отражает момент самоидентичности Быкова как критика, не претендующего на развернутую аналитику литературного явления, широкий охват анализируемого материала, обобщения.

Быков-рецензент стратегически ориентирован на «быстрое реагирование». Он заинтересовывает читателя личностью писателя, возможным эффектом самоузнавания, который возможен именно в данных обстоятельствах прочтения текста. По сути, тексты критика представляют собой описание впечатления, возникшего непосредственно в момент и после прочтения художественного произведения. Эмоциональный резонанс при этом подается Быковым как доказательство актуальности рецензируемого. Перечисленные выше установки Быкова-рецензента, по сути, идентичны установкам Быкова-публициста и обусловлены влиянием главного для автора публицистического дискурса.

Главный интерес Быкова - экзистенциальная ситуация автора, опыт его поиска идентичности (уникальный или типичный) в соотношении с «моим» (или шире - читателей) опытом (В рецензиях, посвященных выходу новых произведений Н. Слепаковой (Новый мир. 1999. № 2), Е. Гришковца (Там же. 2002. № 1), А. Жолковского (Там же. 2005. № 9), Л. Зорина (Там же. 2001. № 2), Л. Лосева (Там же. № 8) и др.). Этим объясняется выбор критиком в качестве объекта интерпретаций лирики и прозы с выраженным автобиографическим началом. Еще в 1996-м году Быков заявляет о своем читательском предпочтении: «Мне и большинству моих друзей сегодня интереснее всего автобиографии, дневники, частная переписка, сплетни» [10], то есть жанры, привлекающие возможностью открыть автора, не преодолевая художественной условности. Художественные тексты, по словам Быкова, «редко позволяют как-то идентифицировать себя с повествователем, потому что мне не совсем понятно, в каком пространстве этот повествователь существует» [Там же]. Материалом для рецензий Быкова становятся тексты с экзистенциальной социальной проблематикой, в которых обязательно присутствует опыт выживания, преодоления духовного кризиса.

Фиксирование возможного сопряжения между авторским опытом переживания и читательским ожиданием, сосредоточенность на читателе и его ментальных потребностях - один из многочисленных «уходов» Быкова-интерпретатора от собственно объекта интерпретации (в рецензиях Быкова непосредственно рецензируемому тексту посвящен минимум общего объема рецензии).

Другие формы «уходов»: обращение к личности автора, его мировоззрению, метафоризация, преодоление границы художественный текст - реальность, выход к металитературным размышлениям, осмысление социальных, ментальных обстоятельств, породивших данное литературное явление.

Все варианты «уходов» Быкова от текста проходят по линиям основных сегментов структуры критической деятельности. Более актуальными, чем текст, оказываются затексты, связанные с восприятием самого Быкова, его сопереживанием автору и героям; с фигурой автора, спецификой или эволюцией его мировосприятия, обстоятельствами творчества; реальностью, в породившей данный текст(ы), литературным контекстом; читателем, его ожиданиями, ментальными проявлениями. Художественный текст, находящийся в центре структуры критической деятельности, в критических опытах Быкова оказывается формальным центром. В рецензиях обнаруживается подмена заявленного в названии объекта интерпретации автором-художником и ситуацией его творчества. В рецензиях Быкова вместо устойчивой структуры критической деятельности обнаруживается ее децентрированный вариант, вместо заданного объекта интерпретации - подмененный, вместо понимания текста - уход от текста, вместо присутствия последнего - отсутствие.

Тексты Быкова отражают особый род интерпретации, в ходе которой создается (и передается читателю) не знание о тексте, а его образ - комплекс эмоциональных, ассоциативных составляющих, опосредованных характеристик.

Образ текста создается Быковым с помощью системы замещений. Одно из них - представление собственных ощущений от прочтения текста. Такое замещение обладает своей информативностью, поскольку чужая эмоциональная реакция, вызванная художественным текстом, может быть воспринята в обратном направлении: от эмоции к тексту, порождающему ее. Так рождается образ незапоминающейся прозы Геласимова [1], пестрого и одновременно тривиального романа Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра» [2] и т.п. Вариантом описанного выше средства является моделирование возможного впечатления читателя от данного текста. Образ текста создается и за счет приведения «чужих» оценок, суждений о данном или подобном тексте. Замещение текста личностью его создателя может быть рассмотрено как метонимическое средство создания образа. Использование его в рецензии на сборник Н. Слепаковой объясняется значимостью поэта для самого Быкова. Литературный учитель Быкова, личность яркая и «феноменально богатая», писательница становится главным объектом внимания критика, не смотря на заявление критика: «Но ограничимся только книгой, откажемся от соблазна подменить разбор воспоминаниями» [3]. Воспоминания об авторе перемежаются с обращением к текстам поэта. При этом второе логически подчиняется первому. Так, образ переполненной жизненных сил, витальной энергии Слепаковой предшествует и объясняет заразительность и витальность ее поздней лирики. Здесь же по контрасту дается «наша поэзия» с ее тотальной энтропией. О биографической (психологической) подоплеке первого названия романа и поэмы Слепаковой читатель узнает больше, чем о самих текстах писательницы, об истории поэта-маргинала, ставшего «голосом всех отверженных» - больше, чем о ее гражданской лирике.

В результате, создается образ истинно христианской, сострадательной и «яростной» поэзии, метонимически порожденный обликом реальной личности поэта. Другая рецензия «Заложник и предстоятель» практически вся посвящена Л. Зорину, эволюции его мировосприятия.

Образ текста создается в рецензиях Быкова и за счет литературных параллелей.

Так, «гумилевские поиски» и психологическая проза XIX века, заявленные как родственный литературный контекст творчества Н. Матвеевой, создают нужные Быкову ассоциации, дополняющие его абстрактные, часто метафорические и неподтвержденные текстом характеристики поэтики автора. Другой способ - упоминание чужих литературных опытов по контрасту. Образ текста Рубиной, демонстрирующего отказ автора от позиции судьи, создается за счет контраста с повестью Петрушевской «Время ночь», проникнутой «убежденностью в собственной правоте» [2]. Образ романа В. Новикова создается по контрасту с литературными опытами жены автора. Примечательно, как в определении цели включения в рецензию контраста отразились приоритеты Быкова-интерпретатора: «Мы позволим себе наметить лишь некоторые особенно забавные противоречия, заставляющие задаться вопросом, как вообще способны эти люди уживаться вот уже лет тридцать и совместно воспитывать главное свое произведение (тоже филолог)» [5].

В ряде работ Быков создает звуковой образ рецензируемого текста. Так, в рецензии «Преображенный хаос», посвященной Н. Матвеевой, критик пишет: «Но в пейзажных, любовных, ностальгических или морских ее стихах возникло какое-то особое смиренное умиление, более высокая и хрупкая, чем прежде, нота. Это голос не сорванный, но истончившийся, чище и мягче прежнего. Словно песня “на последнем обрыве ада”, в которой есть и ад, и мучительное, ценой последних сил преодоление его. Это цитатами не подкрепляется - это вырастает из композиции стихов...» [4].

Возникновение такого типа гносеологии, направленной на порождение образа, а не на аналитику, реконструкцию смысла, объясняется и темпераментом Д. Быкова, и темпом его работы, и отношением к журналистике как к средству зарабатывания. В интервью газете «Труд» д. Быков говорит: «Короче, журналистике я обязан очень многим, пренебрежительного отношения к ней не понимаю и считаю ее оптимальным для писателя заработком. Оптимальнее, скажем, преподавания» [8]. Однако другое объяснение лежит в области осмысления писания как процесса, обладающего экзистенциальным и одновременно онтологическим смыслом для Быкова.

Еще в «Снах Попова» Быков высказывает мысль о том, что творчество, письмо, язык обладают способностью организовать хаос жизни. О том, что Быков воспринимает мир как хаотичный, говорят такие высказывания критика: «Законы пасуют перед бездной. Невозможно быть счастливым там, где количество мелких нелепостей и гнусностей давно переросло в новое качество жизни. Эту жизнь организовать уже нельзя» [6]; «(сны Попова - Ю. Г.) похожи на жизнь как раз своей беспредметностью, пустынностью, бредовой алогичностью <...> Ужас энтропии, столь знакомый сегодня любому из нас, пронизывает и “Сны...”, и “Остров рай”» [Там же].

Другой, теперь уже экзистенциальный смысл отождествления с автором (или его героем) связан с возможностью ощущения собственного «присутствия». Этот вывод обусловлен следующим высказыванием Быкова: «Во времена относительной деидеологизации всякий мыслящий человек не может не представляться себе зиянием, дыркой, пустым местом: цели его неясны, задачи не определены, бороться ему не с чем и не за что» [10].

Онтологический и вместе с тем экзистенциальный смысл «вживаний» в мир Другого в литературных рефлексиях Быкова имеет свое философское обоснование в концепции диалога М. Бубера. Именно у Бубера диалогизм становится онтологическим, а Диалог мыслится как узнавание Другого, «наделенного голосом». Восприятие Другого как иного, но подобного мне близко Быкову и проявляется в стремлении понять себя посредством идентифицирования себя с автором. По мнению Бубера, Я ничего не может сказать о себе, не соотнося себя с Другим; по сути, эта мысль близка самоощущению Быкова, отразившемуся в приведенном выше высказывании.

Непостмодернист, но и не традиционалист по мировосприятию, Быков также осознает онтологическую ценность письма, вносящего смысл в бытие и ощущение самоидентичности. По высказыванию самого Быкова, «писание - просто моя форма думания. Бывает артикуляционное мышление, когда человек думает в процессе речи. Кто-то лучше соображает во время еды, кто-то - во время любви. Я думаю, когда пишу. Поэтому я стараюсь писать больше - в это время я думаю о вещах конкретных и важных» [8].

В тоже время в этой апологии писания, которое, как было замечено выше, не порождает суждения о тексте, а «блуждает» около текста, обнаруживаются следы постмодернистской переориентации с результата деятельности (суждение о) на ее процесс (писание).

Процессуальность как базовое свойство письма снимает проблему центра, и тексты Быкова демонстрируют такую децентрированность. В своих «уходах» от объекта интерпретации, создании образа интерпретируемого посредством замещений Быков смещает центр с текста на автора, читателя, самого себя, не позволяя определить доминирующее направление интерпретации. Для него более важен процесс выговаривания, писания. Именно в эту сферу, сферу означающих, перемещается смыслополагание.

Критика Быкова является примером нерепрезентативности эпохи постмодерна в понимании Ж.-Ф. Лиотара. По мысли философа, в условиях невозможности изображения как репрезентации возникает изображение-процесс, изображение-производство, порождающее не значения, а исключительно энергию. По аналогии, критические тексты Быкова как рефлексии-процессы порождают энергию (не)приятая, но не знание о тексте. Происходит разрыв связки означаемое (художественный текст) - означающее (текст рецензии), разрыв в присутствии исходного текста и его смысла.

Список литературы

1. **Быков Д.** Андрей Геласимов похож на писателя // Новый Мир. 2003. № 1.
2. **Быков Д.** Камера переезжает // Там же. 2000. № 7.
3. **Быков Д.** Последняя // Там же. 1999. № 2.
4. **Быков Д.** Преображенный хаос // Там же. 2000. № 2.
5. **Быков Д.** Роман со вкусом // Дружба народов. 2001. № 3.
6. **Быков Д.** Сны Попова // Новый мир. 1994. № 5.
7. **Дидуров А.** Рыцарь страха и упрека, или Принц на свинцовой горошине (о Д. Быкове) [Электронный ресурс]. URL: http://rockcabaret.a-z.ru/html/12_i_01.htm
8. **Дмитрий Быков: умею сочинять и не умею жить:** интервью О. Рычковой с Д. Быковым [Электронный ресурс] // Труд. 2006. 26 ноября. URL: http://www.trud.ru/article/21-11-2006/109958_dmitrij_bykov_umeju_sochinjat_i_ne_umeju_zhit.html
9. **Ремизова М.** Жизнь как повод // Континент. 2006. № 130.
10. **Читающий писатель:** круглый стол // Знамя. 1996. № 1.

DMITRY BYKOV'S LITERARY-CRITICAL STRATEGY: FROM TEXT TO TEXT IMAGE

Yuliya Anatolyevna Govoruhina

*Department of Literature
Amursk Humanitarian-Pedagogical State University
yuliya_govoruhin@list.ru*

In the article D. Bykov's interpretational strategy is described. Being a journalist in critique D. Bykov uses the system of substitutions, of "going away" from literary phenomenon directing interpretational efforts towards text image creation.

Key words and phrases: literary critique; D. Bykov; interpretation; interpretational strategy; substitution; hermeneutics; text; writing.

УДК 82

Данная статья поднимает вопрос использования неомифа в современной детской литературе, а именно в творчестве В. Крапивина. Главным тезисом работы является продуктивность введения в художественную ткань текста библейских мотивов и образов для изображения социальной проблемы разрушения института семьи.

Ключевые слова и фразы: христианский миф; архетип Отца; архетип ребёнка; библейские сюжеты и образы; образ Иуды; сюжет о Христе и апостолах.

Любовь Геннадьевна Головина

Кафедра истории литературы XX века

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Liubov.golovina@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИФА В ЦИКЛЕ В. П. КРАПИВИНА
«В ГЛУБИНЕ ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА»[©]**

Христианский миф присутствовал в русской литературе всегда, в том числе и даже в большей степени в советскую эпоху, несмотря на то, что его незримое (для обывателя) присутствие в общественной жизни и культуре XX века стало возможным лишь в преломленном социалистическом варианте. По сути, советский миф, позиционируемый властью как христианский «антимиф», был ему тождествен во всех «заповедях» и «канонах», только место Бога в мироустройстве сводилось к креслу генерального секретаря партии, а «должность» самого Бога доставалась Сталину. «Создающая идеомифологическая система основывалась на акте творения как главной мифологической составляющей.